(1846) текст Болтина не мог иметь никакого значения, писал, что оно «еще и теперь имеет цену».[3]

Действительно, издание Болтина было громадным шагом вперед в деле изучения Русской Правды. Вслед за предисловием оно содержало текст Русской Правды, снабженный обстоятельными комментариями; заключено оно было указателем «всех, находящихся в сей книге материй, также слов и названий древних, из употребления вышедших или в ином смысле употреблявшихся».

Однако текст Русской Правды, оказавший в свое время столь сильное влияние даже на выдающихся наших историков и исследователей, уже со времен Карамзина стал вызывать все более серьезные нападки. Болтин при всей своей начитанности и уме не имел ни малейшего представления о несложных даже правилах филологической критики. В его распоряжении, кроме напечатанных к тому времени краткого Академического и пространного Крестининского списков, оказались, как он сам указывает, еще шесть рукописных списков, полученных в Синоде после издания указа 11 августа 1791 г.

Болтин совсем не поставил перед собой вопроса о соотносительном значении краткого и пространного текстов Русской Правды, не говоря уже о значении каждого из бывших у него в руках разных пространных списков. Для Болтина тексты всех этих редакций и списков послужили однородным сырьем для того, чтобы дать на их основе свое издание текста, которому «должны будут уступить», по его мнению, все ранее изданные. Болтин полагал, что его издание оказалось «в самом существе своем полнее, исправнее, достаточнее всех прочих». Какой ценой и какими приемами это было достигнуто — на этом мы ниже остановимся, а сейчас попытаемся установить, какой список положен был в основу издания Болтиным.

Хотя сам Болтин указывает, что в основу им был положен полученный из Синода пергаменный список, однако уже первый общий заголовок — «Устав великого князя Ярослава Владимировича о судех. Правда Руская. Суд о душегубстве», — а также заголовок следующей статьи — «Суд Ярославлих детей» — ведет нас отнюдь не к бывшему у Болтина пергаменному Пушкинскому списку, а к спискам так называемой Карамзинской редакции. Н. Калачов, который так ценил болтинское издание, привел в вариантах к своему систематическому изданию Русской Правды также и варианты болтинского издания. Это дает возможность без значительного труда установить постоянное совпадение вариантов Карамзинской группы списков Русской Правды с вариантами болтинского издания. После работы В. П. Любимова понятно, почему Болтину именно список Карамзинской редакции должен был показаться наиболее полным и исправным. На основании наблюдений над вариантами калачовского издания мы можем утверждать, что в основу болтинского издания был

---

[3] Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха, с преложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. Печатаны в типографии св. правительствующего Синода 1792 г.; второе издание без перемен — 1799 г. (у В. С. Сопикова ошибочно показан 1798 г.); A. L. Schlözer. Нестор. — Russische Annalen. . ., 1802, I Theil, стр. 112 (в русском переводе Языкова: Нестор. СПб., 1809, ч. I, стр. ров. начало отзыва опущено); перевод Эверса помещен в: Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschishte, herausg. von G. Ewers und M. v. Engelhardt, Bd. I. Dorpat, 1816, стр. 299—322; E. Tobien. Sammlung kritisch bearbeiteten Quellen des Russischen Rechts. Dorpat, 1844, стр. 9; Н. Калачов. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды, в. I, изд. 2-е, СПб., 1880, стр. 4.